
ВИТТА РЕД
КУЗЯ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
МЁРТВЫЕ НЕ СДАЮТСЯ

Витта Ред

Кузя. Мертвые не сдаются

«Автор»
2026

Ред В.

Кузя. Мертвые не сдаются / В. Ред — «Автор», 2026

Меня зовут Михаил Кузнецов. Позывной — Кузя.Тридцать шесть лет. Командир штурмового отделения.Я не герой. Я просто мужик, который делал свою работу и прикрывал своих.Так вышло, что за одного из них я отдал всё, что у меня было.Умер я быстро. Хлопок. Толкнул Пашку в окоп. Что-то горячее вошло в бок, потом в шею.Небо.Серое, осеннее, пустое. А потом — ничего.Очнулся в грязи. Лицо в жиже. Тело чужое. Мир чужой. Вокруг мечи, магия, дворяне, монстры. Красиво, да?Только вот беда — здесь нет Системы. Нет уровней. Нет интерфейса. Нет маны. Ни хрена нет. Только мясо, кровь и одно правило: убей или сдохни.Местные считают, что воин без маны — никто.Я считаю, что маг без головы — просто труп в мантии.Я не качаюсь. Я адаптируюсь. У меня нет заклинаний — но есть армейская смекалка, тактика и злость. Я не изучаю магию. Я изучаю врага. Где у него слабое место. Чем его убить. Как быстро.

© Ред В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Г 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Витта Ред
Кузя. Мертвые не сдаются

Глава 1

Смерть не была ни светом в конце тоннеля, ни ангелами с трубами, ни даже той пресловутой темнотой, о которой любят говорить люди, никогда не стоявшие рядом с ней. Смерть была хлопком. Коротким, резким, как удар молотка по крышке гроба. А потом — ничего. Просто выключили свет, и всё.

Я помню всё до последней секунды. Помню, как миномётный обстрел начался внезапно, как это всегда бывает — без предупреждения, без сигнала, без грёбаного шанса подготовиться. Помню, как земля под ногами вздрогнула, как воздух наполнился свистом и грохотом, как сержант Пашка Хмелёв заорал рядом, схватившись за бок, и как кровь потекла у него между пальцами — тёмная, густая, слишком много крови для такого молодого пацана.

Я не думал. Не размышлял о жизни и смерти, о боге и душе, о том, что где-то там меня ждут жена и дочь. Я просто рванул к нему, схватил за броник и потащил к воронке от предыдущего разрыва — единственному месту, где ещё можно было хоть как-то укрыться. Пашка орал, матерился, пытался оттолкнуть меня, потому что знал, что мы оба не успеем. А я знал, что успею. Или не успею, но бросить его не мог. Не потому что герой. А потому что свои. Своих не бросают. Это не пафос, это просто правило. Как чистить оружие. Как проверять снаряжение перед выходом. Как прикрывать спину товарища.

Второй разрыв накрыл нас, когда до воронки оставалось метров пять. Я успел толкнуть Пашку вперёд, в яму, и на этом всё закончилось. Что-то горячее вошло мне в бок, потом в шею, потом в спину — сразу в несколько мест, как будто кто-то невидимый бил меня ножом снова и снова, быстро и методично. Я почувствовал, как ноги подкосились, как тело стало чужим и тяжёлым, как небо — серое, осеннее, пустое — перевернулось и оказалось внизу. Последнее, что я слышал, был голос Пашки. Он кричал моё имя. Потом и это стихло.

А потом я открыл глаза.

Первое, что я почувствовал — холод. Не тот бодрящий холод осеннего утра, к которому я привык за годы службы, а другой — промозглый, сырой, проникающий под кожу, как вода в промокшие сапоги. Второе — вонь. Запах болота, гниющего дерева и тухлой воды, смешанный с чем-то ещё, сладковатым и тошнотворным, как запах разлагающейся плоти. Третье — лицо упиралось во что-то мягкое и мокрое, и это что-то было грязью. Настоящей, вонючей, холодной грязью, которая забилась в нос, в рот, в глаза.

Я попытался пошевелиться и обнаружил, что тело слушается, но как-то не так. Непривычно. Руки были тоньше, чем я помнил. Пальцы длиннее. Кости легче. Как будто я надел чужой костюм, который сидел криво и жал в неправильных местах. Но мышцы помнили. Рефлексы остались. Я перекатился на бок, сплюнул грязь, протёр глаза и сел.

Вокруг был лес. Нет, не лес. Что-то похожее на лес, но неправильное. Деревья высокие, с чёрными стволами и листьями, которые казались слишком тёмными, почти фиолетовыми. Под ногами — мох, грязь и корни, переплетённые в сплошной клубок. Воздух был тяжёлым, влажным, с привкусом железа и чего-то ещё, что я не мог определить. Незнакомый запах. Незнакомая земля.

Первая мысль была: контузия. Меня накрыло, я в отключке, и это бред. Галлюцинация. Мозг дорисовывает картинки, пока тело лежит в госпитале или, что вероятнее, в воронке рядом с Пашкой. Но галлюцинации не бывают такими детальными. Не бывают такими холодными. И грязь не бывает такой настоящей на вкус.

Я посмотрел на руки. Не свои. Кожа бледная, почти серая, ногти обломанные, на ладонях — мозоли, но не те, что я заработал за годы службы. Эти мозоли были в других местах, от другой работы. Я сжал кулаки. Разжал. Работает. Дышу. Сердце стучит. Значит, живой. Или что-то вроде того.

Встал. Пошатнулся — тело было слабым, как после тяжёлой болезни, ноги дрожали, в глазах потемнело. Но я устоял. Привык стоять, даже когда всё внутри кричит, что надо упасть. Огляделся внимательнее.

Я стоял на краю какой-то ямы, вокруг которой валялись обломки — доски, куски ткани, ржавое железо. Похоже на развалины. Не то деревня, не то лагерь, не то просто свалка. Вдалеке, сквозь деревья, виднелась дорога — грязная, разбитая, но всё-таки дорога. Значит, люди. Значит, цивилизация. Значит, можно найти ответы.

Я сделал шаг. Потом ещё один. Ноги хлюпали по грязи, холод пробирал до костей, но я шёл. Не потому что знал куда. А потому что стоять на месте — это смерть. Это я усвоил давно. На войне не выживают те, кто ждёт. Выживают те, кто двигается. Кто принимает решения. Кто действует.

Я шёл по дороге, когда услышал голоса.

Трое. Мужчины. Говорили на непонятном языке, но интонации я узнал сразу — так говорят те, кто ищет проблемы. Расслабленные, уверенные, с ленцой в голосе. Хозяева жизни. Или те, кто считает себя таковыми.

Я остановился. Прислушался. Оценил обстановку, как учили. Три человека. Враждебны или нет — пока непонятно. Оружие — скорее всего, есть. Силы у меня — ноль. Тело чужое, слабое, незнакомое. Одежда — лохмотья, босиком. Расклад хреновый.

Можно было спрятаться. Отсидеться. Пропустить их и идти дальше. Разумно. Логично. По-солдатски правильно — не вступать в бой, когда нет преимущества.

Но они меня уже увидели.

Из-за поворота дороги вышли трое. Здоровые мужики, широкоплечие, в кожаных куртках с металлическими заклёпками. У одного на поясе висел нож, у второго — дубина с шипами, у третьего — что-то похожее на короткий меч в потёртых ножнах. Рожи у них были соответствующие — тяжёлые челюсти, маленькие глаза, шрамы. Такие лица бывают у людей, которые привыкли брать, а не просить.

Они остановились в десяти шагах от меня. Переглянулись. Первый, самый здоровый, с ножом, шагнул вперёд и оскалился.

— Смотри-ка, — сказал он. Язык был чужой, но я почему-то понимал каждое слово. Как будто кто-то переводил прямо в голове. — Живой.

— Бродяга, — сказал второй, тот, что с дубиной. — Голодранец. В одних тряпках.

— Может, с него что взять? — первый подошёл ближе, рассматривая меня, как торговец рассматривает товар. — Худой. Слабый. Но одежда...

— Какая у него одежда? — второй заржал. — Лохмотья.

Третий молчал. Он стоял чуть позади, и я заметил, что он смотрит на меня иначе, чем остальные. Не как на добычу. Как на что-то непонятное. Настороженно. Он был умнее своих друзей. Это плохо. Умных врагов всегда сложнее победить.

Я стоял и не двигался. Руки висели вдоль тела, расслабленные. Лицо — пустое. Ни страха, ни агрессии. Я знал, что это их сбивает с толку. Они привыкли к жертвам, которые боятся, которые кричат, которые бегут. А я не бежал. И не боялся. И это их напрягало.

— Эй, ты, — первый шагнул ещё ближе. Теперь между нами было шага три. — Ты кто?

— Кузя, — сказал я.

Слово прозвучало чужеродно в этом мире. Как камень, брошенный в воду. Первый нахмурился.

— Чего?

— Позывной, — пояснил я. — Меня так называют.

Он переглянулся со своими. Второй заржал громче.

— Позывной у него! Может, ты ещё и колдун?

— Нет, — сказал я. — Я хуже.

Это была правда. Колдуны в любом мире — это просто люди с оружием, которое я не понимаю. А я — солдат. Я умею убивать тем, что под рукой. И мне не нужна магия, чтобы отправить человека на тот свет.

Первый достал нож. Медленно, демонстративно. Лезвие было тусклым, с зазубринами, но острым. Он держал его уверенно, привычно. Значит, не первый раз. Значит, убивал.

— Знаешь, что это? — спросил он, поднеся нож к моему лицу.

— Знаю, — ответил я.

— Тогда, может, снимешь свои тряпки? И отдашь всё, что есть? И мы разойдёмся?

Я посмотрел на него. Спокойно. Без вызова. Просто смотрел, оценивая. Рост — метр восемьдесят. Вес — около ста. Нож держит в правой руке. Стоит на левой ноге, правая чуть впереди. Дышит ровно. Не ждёт проблем. Думает, что я сдамся.

— Нет, — сказал я.

Он моргнул.

— Что?

— Я сказал нет. Не сниму. Не отдам. И не разойдёмся.

Второй перестал ржать. Третий напрягся. Первый оскалился, и в его глазах появилось что-то тёмное, злое. То, что я видел много раз. Желание причинить боль. Не потому что нужно. А потому что хочется.

— Ты, видимо, не понял, — сказал он, делая ещё один шаг. Теперь между нами было меньше двух метров. — Ты один. Нас трое. Ты без оружия. Мы...

Я не дал ему договорить.

Резкий шаг вперёд. Перехват его правой руки с ножом — захват за запястье, выворот. Он не успел даже удивиться, как его же нож вошёл ему под рёбра, снизу вверх, прямо в сердце. Раз. Два. Три. Я бил коротко, быстро, как учили — не размахиваясь, вкладывая силу в кисть, а не в плечо. Он захрипел, попытался что-то сказать, но изо рта пошла кровь. Я отпустил его, и он упал лицом в грязь.

Второй заорал и замахнулся дубиной. Я уклонился — не назад, а в сторону, влево, пропуская удар мимо себя. Дубина просвистела рядом с головой, врезалась в дерево. Второй не успел вернуть её в исходное положение, как я уже был рядом. Пнул его под колено — хруст, он заорал и упал на одно колено. Я схватил его за голову и ударил лицом в ствол дерева. Раз. Два. Три. Что-то хрустнуло. Он обмяк.

Третий побежал.

Я не стал догонять. Просто наклонился, поднял дубину, прицелился. Он был метрах в пятнадцати, бежал неуклюже, оглядываясь через плечо. Я метнул дубину, как копьё, вкладывая весь вес тела в бросок. Она попала ему в затылок. Он рухнул, как подкошенный, и больше не двигался.

Тишина.

Я стоял, тяжело дыша. Сердце колотилось, кровь стучала в висках. Тело чужое, слабое, но справилось. Рефлексы, мать их. Годы тренировок не пропьёшь, не прогуляешь, не потеряешь даже после смерти.

Я посмотрел на свои руки. Кровь. Тёплая, липкая, чужая. Пахнет железом. Я не чувствовал ничего. Ни отвращения, ни радости, ни страха. Просто работа. Просто ещё один бой. Просто ещё трое врагов, которые больше не встанут.

Обыскал трупы. Первый — нож, который я уже держал в руке. Второй — дубина, которую я бросил, но потом подобрал. Третий — короткий меч в ножнах, который оказался не мечом,

а чем-то вроде тесака. Ещё у них были кошельки с медными монетами — непонятными, но на вид настоящими. И сапоги. Крепкие, кожаные, почти новые. Мне они были нужны больше, чем мёртвым.

Я снял с первого куртку — тёплую, с подкладкой, хоть и с чужого плеча. Сапоги подошли почти идеально. Штаны тоже забрал, хоть они и были в крови. Всё лучше, чем лохмотья.

Одевшись, я почувствовал себя почти человеком. Не бродягой, не жертвой, а тем, кем был — солдатом. Пусть в чужом мире, пусть в чужом теле, но солдатом. А солдат без формы — это просто бандит. Солдат в форме — это сила.

Дождь усилился. Холодный, мелкий, противный. Я поднял воротник куртки, спрятал нож за пояс и пошёл вперёд, к городу, который виднелся вдалеке. Мне нужны были ответы. Где я. Что это за мир. Кто здесь главный. И как отсюда выбраться. Или, если не выбраться, как здесь выжить.

Я не знал, что меня ждёт впереди. Не знал, какие здесь законы, какие порядки, какие враги. Но я знал одно: я живой. А раз живой — буду бороться. Потому что мёртвые не сдаются. А я, судя по всему, ещё не совсем мёртв.

Дорога вела к городу. Я шёл по ней, оставляя за спиной три трупа и начинал новую главу своей жизни — или того, что ею стало.

Глава 2

Город появился из-за поворота дороги неожиданно, как это обычно и бывает — сначала потянуло дымом и нечистотами, потом показались стены, потом башни, а потом всё это накрыло меня разом, как запах помойки, к которому невозможно привыкнуть.

Гнилой Брод оправдывал своё название на все сто.

Стены были деревянные, тёмные от сырости и времени, местами подгнившие, местами залатанные свежими досками. Над воротами висел герб — щит с изображением чего-то, что я сначала принял за рыбу, но потом разглядел получше и понял, что это змея, жрущая собственный хвост. Символично. Вокруг ворот толпился народ — телеги, лошади, какие-то люди в серых балахонах, торговцы с коробами, пара всадников в металлических доспехах. Стража — четверо мужиков с копьями — лениво поглядывала на всех, но особо не напрягалась.

Я подошёл ближе. Внимательно осмотрелся, привыкая к новой картинке. Многолюдно. Шумно. Пахнет силосом, дымом и жареным мясом — последнее заставило желудок сжаться от голода. Я не помнил, когда ел в последний раз. Может, никогда в этом теле.

Стражник у ворот — здоровый детина с обвисшими усами и красными глазами — преградил мне путь копьём.

— Стой. Кто такой? Откуда?

Я посмотрел на него. Спокойно, без вызова. В этом мире я никто. Пока никто. Значит, надо вести себя тихо. Пока.

— С дороги, — сказал я. — Путник.

— Путник, — усмехнулся стражник, оглядывая меня с ног до головы. Куртка с чужого плеча, сапоги не по размеру, лицо в грязи. — Из каких будешь?

— Издалека.

— Это я вижу. Название?

Я замялся на секунду. Названия этого мира я не знал. Ни городов, ни стран, ни хрена. Врать надо было аккуратно, чтобы не проколоться.

— С севера, — сказал я. — Из-за гор.

Стражник прищурился.

— Из-за гор? Там же пустоши. Никто оттуда не приходит.

— Я пришёл.

Он смотрел на меня секунды три. Потом сплюнул под ноги и убрал копьё.

— Проходи. Только не буянь. У нас тут за буянство — плетьми на площади.

Я кивнул и шагнул в ворота.

Гнилой Брод внутри был таким же, как и снаружи — грязным, шумным и вонючим. Улицы кривые, узкие, мощёные булыжником, между которыми пробивалась грязь и какие-то сорняки. Дома двух- и трёхэтажные, деревянные, с выступающими балконами, на которых сушилось бельё. Кое-где виднелись вывески — непонятные символы, которые я, к своему удивлению, читал без труда. «Таверна "Пьяный гусь"», «Оружейная лавка Грома», «Аптекарь Мирт». Чудеса. В этом мире я, похоже, понимал и язык, и письменность. Хотя, может, это не чудеса, а просто особенности нового тела. Или этого мира. Плевать. Главное — работает.

Я шёл по улице, разглядывая людей. Обычные. Мужики в рубахах и жилетах, бабы в длинных платьях, дети, собаки, торговцы с лотками. Никаких магов, никаких рыцарей, никакой магии. Пока. Но я чувствовал — здесь всё это есть. Просто не на каждой улице. Как в любом мире — элита прячется за стенами, а простые люди выживают, как могут.

Таверна «Пьяный гусь» нашлась на пересечении двух улиц. Вывеска скрипела на ветру, из открытой двери тянуло жареным мясом, пивом и чем-то ещё — кислым, как перебродившее вино. Я толкнул дверь и вошёл.

Внутри было людно. Длинные столы, лавки, очаг в углу, за стойкой — толстая баба с красным лицом и руками, как у мясника. Она оглядела меня с ног до головы, и на её лице отразилось ровно то же, что и у стражника — презрение. Но она ничего не сказала. Просто ждала.

Я подошёл к стойке. Достал из кармана монеты, которые забрал у бандитов — медные, с какими-то символами. Положил на стойку.

— Комнату, — сказал я. — И еды.

Баба посмотрела на монеты. Потом на меня. Потом снова на монеты.

— Этого мало, — сказала она. — Комната — две серебряные. Еда — медяк.

Я не знал местных цен. Не знал, сколько стоит серебро в меди. Но я знал, как торговаться. Как вести себя, когда тебя пытаются наебать.

— Это всё, что у меня есть, — сказал я. — Я только с дороги. Заплачу больше, когда найду работу.

— Работу, — фыркнула она. — Кто тебя возьмёт? Вон рожа какая. Разбойник.

— Не разбойник. Солдат.

— Солдат, — она усмехнулась, но в глазах мелькнуло что-то. — Наёмник, что ли?

— Что-то вроде того.

Она задумалась. Почесала нос. Посмотрела на монеты ещё раз.

— Ладно. Один медяк — еда. Один — ночлег на чердаке. Два — кровать в общей комнате. Серебра нет — пшёл вон.

Я положил два медяка.

— Общая комната.

— Как хочешь.

Она сгребла монеты, махнула рукой в сторону лестницы, и я пошёл наверх. Общая комната оказалась длинным помещением с шестью кроватями, из которых четыре были заняты. Пахло потом, грязными портянками и кислым пивом. Но мне было плевать. Я нашёл свободную кровать, бросил на неё куртку и сел. Тело гудело от усталости. Чужое, слабое тело, которое я пока не научился толком слушать.

Снизу принесли еду — миску с кашей, кусок хлеба и кружку пива. Я съел всё, не чувствуя вкуса. Просто заправился, как машина. Потом лёг и закрыл глаза.

Сон не шёл.

В голове крутились мысли. Где я. Что это за мир. Что за херня с пониманием языка. Есть ли здесь мои.Можно ли вернуться. Нужно ли.

Последнее заставило меня открыть глаза.

Нужно ли возвращаться? Там, дома, была жизнь. Служба. Жена. Дочь. Но я умер. Я видел, как умер. Значит, там меня нет. И если я вернусь, то вернусь в могилу. А здесь я живой. Слабый, чужой, но живой. И, может быть, здесь можно начать заново.

Я усмехнулся в потолок.

— Ну и бред, — сказал я вслух. — Кузя, ты рехнулся.

Сосед по кровати — старик с седой бородой — повернулся и посмотрел на меня.

— Чего?

— Ничего. Спи.

Я закрыл глаза и заставил себя отключиться. Завтра будет новый день. Завтра я найду работу. Завтра я начну понимать этот мир.

Утро началось с крика.

Я проснулся мгновенно, как всегда — без перехода, из сна в реальность, рука уже тянулась к ножу. Крик шёл снизу. Женский. Потом мужской. Потом звук опрокидываемой мебели.

Я встал, натянул куртку, проверил нож за поясом и спустился по лестнице.

В общем зале таверны было не протолкнуться. Народ столпился вокруг чего-то, и из центра круга раздавались голоса — громкие, наглые, с той самой ленцой, которую я уже научился узнавать. Хозяева жизни. Или те, кто считает себя таковыми.

Я протолкнулся вперёд.

За столом сидел мужик. Молодой, лет двадцати пяти, в дорогой одежде — бархатный камзол, сапоги с пряжками, на пальцах перстни. Рядом с ним стояли двое мордоворотов в кожаных доспехах, с мечами. А напротив них стояла та самая толстая баба-хозяйка, бледная, с трясущимися руками.

— Ты не поняла, свинья? — говорил молодой, лениво цедя слова. — Я сказал — всё. Весь твой запас. Вино, еда, девки, если есть. Всё.

— Господин, у меня долги, — лепетала баба. — Я не могу...

— Мне плевать на твои долги. Ты знаешь, кто я?

— Знаю, господин. Но...

Один из мордоворотов шагнул вперёд и ударил её по лицу. Не сильно, вполсилы — но баба отлетела к стене, схватилась за щёку, и из носа у неё потекла кровь. Никто из посетителей не двинулся. Все смотрели. Молча. Как скот.

Я стоял и смотрел. И чувствовал, как внутри что-то закипает. Медленно, как вода в чайнике. Я не герой. Я не спасаю всех подряд. Но есть вещи, которые я терпеть не могу. Одна из них — когда сильный бьёт слабого. Не потому что надо. А потому что может.

— Эй, — сказал я.

Голос прозвучал громко в наступившей тишине. Молодой повернулся. Посмотрел на меня. На его лице появилась улыбка — предвкушающая, как у ребёнка, которому дали новую игрушку.

— О, — сказал он. — Ещё один. Ты кто?

— Кузя.

— Кузя, — повторил он, растягивая слово. — Что за имя такое?

— Позывной.

— Позывной? — он засмеялся. — Ты что, солдат?

— Был.

— Был, — он покачал головой. — А теперь кто? Бродяга?

— Теперь — тоже. Но у меня есть правило.

— Какое же?

— Не бью женщин. И не позволяю другим.

Тишина стала плотной. Молодой смотрел на меня, и улыбка медленно сползала с его лица. Мордовороты напряглись, положили руки на рукояти мечей. Народ вокруг замер. Я чувствовал их взгляды — удивлённые, испуганные, любопытные. Никто не ждал, что какой-то оборванец будет перечить местному господину.

— Ты знаешь, кто я? — спросил молодой.

— Нет, — ответил я.

— Я — Ренар де Валье. Младший сын барона де Валье. Это мой город. Точнее, часть его. И всё, что здесь происходит — происходит с моего позволения.

— Поздравляю, — сказал я. — Но это не меняет правила.

— Правила, — он усмехнулся, но глаза оставались холодными. — Ты, видимо, не понимаешь, где находишься. Здесь нет твоих правил. Здесь есть мои.

Он кивнул мордоворотам. Те шагнули вперёд, вытаскивая мечи. Народ шарахнулся в стороны. Хозяйка застонала и попыталась отползти.

Я стоял. Руки вдоль тела. Дышал ровно. Считал.

Двое. Первый — слева, с мечом наголо, держит неуклюже. Второй — справа, чуть лучше. Между мной и ними — метров пять. За спиной — толпа. Впереди — стол, который можно использовать как укрытие. Или как оружие.

— Последний шанс, — сказал Ренар. — Встань на колени. Попроси прощения. И я, может быть, оставлю тебе руку.

Я посмотрел на него. На его чистое, самодовольное лицо. На его дорогой камзол. На его перстни. И понял, что таких, как он, я видел много раз. В своем мире, в разных странах, в разное время. И всегда с ними один и тот же разговор.

— Знаешь, что я делал с такими, как ты? — спросил я.

— Что?

— Убивал.

Первый мордоворот шагнул. Я рванул к столу, схватил скамью за ножку, дёрнул. Скамья пошла в сторону, ударила второго мордоворота в колени. Он заорал и упал. Первый махнул мечом — я уклонился, скамья пошла вверх, врезалась ему в челюсть. Хруст. Он отлетел, выронил меч.

Я бросил скамью, подхватил меч с пола и развернулся к Ренару.

Он сидел на месте. Бледный, с широко раскрытыми глазами. Не ждал. Не готовился. Просто смотрел, как его людей вырубили за три секунды.

— Ты... — начал он.

Я подошёл, схватил его за волосы и приложил лицом к столу. Раз. Два. Три. Нос хрустнул, кровь брызнула на скатерть. Ренар заорал — высоко, по-бабьи. Я отпустил его, и он сполз на пол, схватившись за лицо.

— Слушай сюда, — сказал я, наклоняясь. — Я не знаю, кто твой папа. Не знаю, какие у тебя связи. Мне плевать. Но если я ещё раз увижу, как ты бьёшь женщин или унижаешь людей — я тебя найду. И тогда мы поговорим по-другому. Ты понял?

Он смотрел на меня. В глазах — боль, страх и ненависть. Он ничего не сказал. Просто кивнул, держась за разбитое лицо.

Я выпрямился. Посмотрел на толпу. Люди смотрели на меня, как на сумасшедшего. Или как на мертвеца. В их глазах было всё — страх, удивление, надежда. Но больше всего — страх.

Я бросил меч на пол.

— Хозяйка, — сказал я. — У тебя есть задняя дверь?

Баба кивнула, не отрывая руки от окровавленного лица.

— Тогда я уйду через неё. Если кто-то спросит — я пошёл на восток. Понял?

Она кивнула снова.

Я вышел через заднюю дверь. В переулок. Дождь ещё не начался, но небо было серым, и воздух пах сыростью. Я быстро пошёл вперёд, не оглядываясь. Через пару кварталов сбавил шаг, свернул в другой переулок, потом в третий. Запутывал след.

Я знал, что за мной придут. Такие, как Ренар, не прощают. Но это было неважно. Я не собирался оставаться в Гнилом Броде. Я собирался найти работу, найти людей, найти своё место в этом мире. А потом — посмотрим.

Я шёл по улице, когда услышал голос.

— Эй. Оборванец.

Я обернулся.

Из тени арки вышел мужик. Высокий, худой, в тёмном плаще с капюшоном, который скрывал лицо. Но голос был спокойный, без угрозы. Даже с интересом.

— Ты тот, кто разбил лицо сыну барона?

Я молчал.

— Не бойся. Мне плевать. Наоборот. Я такое люблю.

Он откинул капюшон. Лицо было узкое, с длинным шрамом через левую щёку, глаза — серые, внимательные. Лет сорок, может, меньше. Он улыбнулся — нехорошо, но без злобы.

— Меня зовут Гарт. Я держу отряд наёмников. И мне нужны люди. Такие, как ты.

— Такие, как я? — переспросил я.

— Те, кто умеет драться. И не боится последствий. Ты ведь не боишься?

Я посмотрел на него. На его шрам. На его улыбку. И понял — это шанс. Тот самый, который я искал.

— Нет, — сказал я. — Не боюсь.

— Тогда пошли. Есть разговор.

Он развернулся и пошёл вглубь переулка. Я постоял секунду, потом двинулся следом. В голове было пусто и ясно. Я не знал, куда иду. Не знал, что будет дальше. Но я знал одно: я жив. А раз жив — буду воевать.

В переулке пахло дождём и чем-то ещё — железом. Кровью. И возможностями.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.